

Е. Н. Кальщиков

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ВОЛОФОВ СЕНЕГАЛА

Волофы — самый многочисленный народ в Республике Сенегал. Основная область их расселения — северо-западные районы страны. По данным 1967 г., их примерно 1,4 млн. чел. Волофы сыграли значительную роль в истории Сенегала, а в настоящее время оказывают большое влияние на ход культурного и общественно-политического развития страны, в которой почти каждый житель, независимо от своей этнической принадлежности, знает их язык.

Основное занятие волофов — земледелие. Они выращивают главным образом арахис — основную сельскохозяйственную культуру Сенегала, большая часть которого идет на экспорт. Изучение поземельных отношений особенно важно для понимания структуры волофского общества.

Многие западные африканисты склонны считать, что у волофов (как и у других народов Западного Судана) до недавнего времени отсутствовала частная собственность на землю, и потому речь может идти лишь о владении, держании и пользовании землей¹.

Обосновывается это тем, что волофы, как и другие народы этого региона, не признавали за отдельным лицом права собственности на землю, считая собственниками земли духов данной местности, которые передают право распоряжаться землей любому человеку. Последний должен заключить «соглашение» с духом и лишь затем мог распоряжаться землей². Заключал «соглашение» с духом, естественно, тот, кто первый занял и обработал данный участок. Он становился как бы представителем духа и поэтому руководил всеми религиозными церемониями; с другой стороны, он был главой нового хозяйства, а впоследствии возглавлял общину, возникшую на данной территории.

Такие люди у волофов и сереров назывались *ламанами*, что на языке серер означает «владыка, хозяин земли».

Границей земель ламана считалась граница пожара, который устраивался для выжигания растительности на участке. Ламан получал «право огня» на всю землю³, но не считался ее собственником, а мог лишь распоряжаться ею, действуя с согласия деревенского совета старейшин⁴. Должность и права ламана передавались по наследству, переходя к старшему мужчине в семье прежнего ламана. Вся территория, на которую распространялась его власть, получила название «ламаната» и являлась в принципе коллективной собственностью всей общины, все взрослые

¹ H. Labouret, *Paysans d'Afrique Occidentale*, Paris, 1941, p. 58; M. Campistron, *Coutumes Ouolof du Cayor*, «*Coutumiers juridiques de l'Afrique Occidentale Française*», t. I, Paris, 1939, p. 138.

² H. Labouret, Указ. раб., стр. 59.

³ P. Pélissier, *Les paysans du Sénégal*, Haute — Vienne, 1966, p. 124.

⁴ D. Gamble, *The Wolof of Senegambia*, London, 1957, p. 16.

свободные члены которой имели право на получение участка. Отчуждать землю в какой бы то ни было форме ламан не мог⁵.

Положение ламана давало значительные права и полномочия. Одной из важнейших его обязанностей было выделение из деревенского земельного фонда отдельных участков главам больших семей. Получив участок, глава большой семьи распоряжался им единолично. Считалось, что участки должны ежегодно перераспределяться. Однако с течением времени переделы становятся все более редкими, а участки фактически закрепляются за отдельной большой семьей, точнее, за главой этой семьи.

Поскольку деревенская община у волофов не была в социальном отношении однородной, при распределении земли признавались преимущественные права тех или иных ее групп. Ламан обычно выбирал участок первым, конечно, получше и ближе всего к деревне. Затем землей наделялись остальные семьи свободнорожденных. В последнюю очередь участки раздавались неполноправным группам: ремесленникам, семьям рабского происхождения и пришельцам. Часто их земли оказывались дальше всего от деревни, в зарослях, и требовали больших усилий для обработки⁶.

Крестьянская семья, получившая в пользование участок, расчищала его и обретала, таким образом, «право топора», за которое должна была периодически «благодарить» ламана. По традиции подношение составляло 10—30 кг проса с урожая; кроме того, когда ламан умирал, такие семьи возмещали расходы на похороны⁷. Однако впоследствии плата значительно увеличилась и стала тяжелым бременем для крестьян.

«Право топора» было постоянным: выделенный общиннику надел не мог быть отобран, пока он жил в деревне, обрабатывал его и делал подношения ламану. Даже если сам ламан испытывал недостаток земли, он не мог отнять ее у того, кому ранее предоставил участок в пользование⁸.

У малинке, например, *дугуги*, имевший те же функции, что ламан у волофов и сереров, в любое время мог отобрать у держателя любой выделенный ему в пользование участок⁹. Следует признать, однако, что речь идет скорее о теоретической возможности, с течением времени становившейся все менее реальной.

Часто подношение заменялось простым визитом крестьянина к ламану со словами благодарности¹⁰. Эти отношения между ламаном и общинниками выражали постоянную связь между ними и утрачивали свою силу со смертью одной из сторон. Если умирал ламан, то все общинники, чтобы возобновить свое право на обработку земли, должны были преподнести новому ламану новые, более значительные подарки — быка или амбар проса. Подношение ламану совершали с этой же целью и наследники умершего общинника¹¹.

С разрешения ламана на общинных землях могли селиться и пришельцы, но за получение «права топора» они должны были платить ламану так же, как общинник, вступающий в наследственные права на пользование участком: меру проса, домашнюю птицу и голову скота¹². В результате в руках ламанов и их семей сосредотачивалось значитель-

⁵ A.-B. Diop, La tenure foncière en milieu rural wolof (Sénégal), «Notes africaines», № 118, 1968, Dakar, 1968, p. 49.

⁶ D. Gamble, Указ. раб., стр. 35; V.-Ch. Diarassouba, L'évolution des structures agricoles du Sénégal, Paris, 1968, p. 52.

⁷ M. Campistron, Указ. раб., стр. 136.

⁸ A.-B. Diop, Указ. раб., стр. 49.

⁹ Л. Е. Куббель, Из истории древнего Мали, «Африканский этнографический сборник» V, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LXXX, М.—Л., 1963, стр. 61.

¹⁰ P. Pélissier, Указ. раб., стр. 125.

¹¹ A.-B. Diop, Указ. раб., стр. 49.

¹² Там же.

ное имущество, что и определяло их гораздо более влиятельное положение в деревенской общине, чем это признавалось традицией.

Деревенская община состояла из нескольких больших семей — *кёр*. Семья, поселившаяся на данной земле первой, имела определенные преимущества, так как из нее избирались главы селений — ламаны. Деревенская община являлась основной ячейкой в земельных отношениях, в нее входили: семья первых поселенцев, а также примкнувшие к ней семьи, прибывшие в этот район позднее. Кровного родства между этими семьями не было; единство их было социально-экономическим. Таким образом, волофскую общину можно определить как сельскую, или соседскую, в которой ламан считался воплощением ее единства и коллективной собственности ее на землю.

Община имела ярко выраженный иерархический характер: господствующее положение в ней занимала группа глав больших семей, среди которых выделялся ламан; затем шли главы семей, прибывших в данный район позже основателей, и их родичи. Все они были свободнорожденными, *геер*. Ниже стояли ремесленники, *ньеньо*, лично свободные, но неполноправные; они делились в соответствии со своей профессией на несколько категорий, очень замкнутых и получивших в литературе наименование каст. В этих ремесленных группах строго соблюдались эндогамия и профессиональная замкнутость; производственные навыки и специализация передавались по наследству. Отношения между этими группами носили иерархический характер: кузнецы, *тэг*, стояли выше всех остальных. Наиболее низкое положение было у гриотов-*гевель* — народных певцов, сказителей и музыкантов¹³.

На нижней ступени в общине находились рабы (*дьям* или *джам*), также делившиеся на несколько категорий, основные из которых: рабы семей ламанов (приближенные рабы); рабы, посаженные на землю («пленники хижины»); рабы, предназначенные на продажу или обмен¹⁴. Собственно рабами в полном смысле слова у волофов были лишь представители последней категории. Экономическое и социальное положение рабов двух первых категорий улучшалось с каждым поколением, но они все же не могли достичь одинакового со свободнорожденными социального положения, всегда оставаясь ниже их. Эти рабы составляли категорию неполноправных членов общины и становились клиентами своих бывших хозяев, тесно с ними связанными¹⁵. Эти отношения были удивительно устойчивы и сохраняются еще и сейчас. Однако бывшие рабы часто достигали видного и влиятельного положения. При наличии достаточного количества незанятой и пригодной для обработки земли, главы семей были заинтересованы в возможно большем числе рабов любых категорий и клиентов, которых они могли посадить на землю. Рабы и клиенты обеспечивали постоянное накопление прибавочного продукта, так как рабы были обязаны работать на поле хозяина, а клиенты отдавать часть урожая со своего поля. О том, какое значение имело владение посаженными на землю рабами, говорит тот факт, что в 1825 г. в Сен-Луи и Горе их было 12 300 чел., тогда как все население там насчитывало 16 000 чел.¹⁶.

В силу различных причин и событий военного или экономического характера семьи ламана и его родственников могли возвышаться. Среди прочих причин наличие большого количества посаженных на землю рабов и подношения общинников играли важную роль в образовании эко-

¹³ K. Dème, *Classes sociales dans le Sénégal précolonial*, «La Pensée», Paris, 1966, № 130, p. 16.

¹⁴ V. Monteil, *Lat Dior, Damel du Cayor et islamisation des Wolof*, «Esquisses sénégalaises. Initiations et études africaines», № XXI, Dakar, 1966, p. 83; D. G a m b l e, *Указ. раб.*, стр. 45.

¹⁵ D. G a m b l e, *Указ. раб.*, стр. 45.

¹⁶ V. Monteil, *Указ. раб.*, стр. 83.

номически сильной верхушки. Возвышение каких-либо групп родственных семей должно было приводить к подчинению других и превращению их в данников, что, в свою очередь, укрепляло могущество возвысившихся семей.

Можно предполагать, что социальное неравенство в общине, основанное на разных экономических возможностях составляющих ее семей, приводило к экономическому (а следовательно, социальному) неравенству их в масштабе целого района, в котором проживают несколько или много общин. Вероятно, таким путем шло образование знати в рамках целого народа.

Возвышение определенной группы родственных семей находилось в непосредственной зависимости от количества принадлежащих ей рабов: они составляли экономическую и военную силу группы.

К середине XIII — началу XIV в. у волофов сформировалось государство Джолоф, и в поземельных отношениях произошли изменения. Ламаны, как и остальное население, стали подданными его правителей¹⁷.

Правители государства Джолоф устанавливают для себя право верховной собственности на все земли, оставшиеся до той поры не поделенными между ламанами¹⁸. На этих землях правители разрешали селиться крестьянам, предоставляя им «право топора», т. е. право владения, за которое полагалось отдавать часть производимой крестьянами продукции¹⁹.

В других случаях правитель отсылал крестьянина к ламану, чтобы последний наделил его землей. Ламан не мог отказать в этом правителю²⁰, что говорит о постепенном переходе монопольного права распоряжаться землей от ламана к правителям. В дальнейшем и сами ламаны станут регулярно отдавать правителям часть своих доходов (об этом ниже).

В районах с высокой плотностью населения, где было мало свободных земель, правители начинают постепенно отбирать земли у ламанов для пожалования их военачальникам, приближенным и мусульманам-марабутам²¹, игравшим видную роль при дворе правителей: благодаря знанию письменности они были их доверенными лицами и советниками и во многом способствовали принятию волофами ислама. Ламаны при этом теряли все права на отобранную землю²².

Земли, пожалованные правителем своим родственникам, приближенным и т. п., назывались *леу*. Границы их определялись расстоянием, которое всадник мог покрыть в течение дня. Поэтому леу часто включали в себя территории нескольких деревень²³.

Марабуты, игравшие видную роль при дворах, получая наделы (*сарапак*) от правителей, постепенно стали крупными земельными собственниками. Положение марабутов было столь высоким, что их наделы могли включать в себя часть земель ламанов и даже леу²⁴.

Интересно отметить, что марабуты не платили ничего за пожалование ни правителям, ни их вассалам в леу. Они были полными хозяевами на своих территориях и сами регламентировали отношения среди населения²⁵. Многие из таких марабутов приобрели постепенно очень значитель-

¹⁷ A.-B. Diop, Указ. раб., стр. 49.

¹⁸ Там же, стр. 50.

¹⁹ P. Pélissier, Указ. раб., стр. 125.

²⁰ A.-B. Diop, Указ. раб., стр. 50.

²¹ Марабуты этнически принадлежали раньше, до исламизации волофов, к тукулерам, жившим севернее волофов. Термин «марабут» (от арабского *ribat* — «укрепленный монастырь»), используется в литературе для обозначения мусульманских духовных руководителей. В Сенегале население называет их «sérigne».

²² P. Pélissier, Указ. раб., стр. 125.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 126.

²⁵ H. Labouret, Указ. раб., стр. 90.

ное влияние и увеличили размеры своих владений. Некоторые из них оставили ислам, приняли традиционную религию волофов, но свои земли сохранили и стали в дальнейшем вассалами правителей или их наместниками ²⁶.

Пожалование земель лишало ламанов части их территорий, но не привело к вытеснению с них крестьян, так как новые владельцы земель были заинтересованы не в самой земле, а в возможно большем количестве рабочих рук, т. е. крестьян, подлежащих обложению податью. Право ламана распоряжаться отнятым в пожалование участком восстанавливалось лишь в том случае, когда после смерти владевшего участком марабута не оставалось наследника ²⁷.

В XVI в. государство Джолоф распалось, и на его территории возникли государства, бывшие до того времени его провинциями: Кайор, Баол, Вало и собственно Джолоф. Власть в образовавшихся государствах принадлежала нескольким привилегированным группам семей, члены которых избирали из своей среды правителей государства. Очень интересно то обстоятельство, что в Баоле, например, существовала патрилинейная семья, из которой только и мог быть избран правитель этого государства. Однако наряду с этой семьей на вершине социальной лестницы находились три другие привилегированные семьи, но со счетом родства по материнской линии. Кандидат на избрание правителем должен был обязательно по отцу происходить из патрилинейной семьи, а по матери — из одной из упомянутых матрилинейных ²⁸. Сходная ситуация наблюдалась и в других волофских государствах. Правящие семьи распространили право верховной собственности не только на незанятые земли, но и вообще на всю территорию своих государств. Теперь уже все, кто получил от правителя землю, должны в обязательном порядке часть собираемой подати отдавать правителю. Такое положение неизбежно влекло усиление податного обложения крестьян, особенно в районах, расположенных в непосредственном соседстве с местопребыванием вассалов ²⁹.

В этот период особое распространение получает система земельных пожалований. Сложилась строгая иерархия земельной собственности, которая в государстве Джолоф в XVI в., например, выглядела так: во главе ее стоял правитель, *бурба*, являвшийся верховным собственником всех земель в государстве и широко использовавший право на пожалования целых районов и областей. *Ленгер* — глава всех женщин в государстве — была или матерью правителя, или одной из его теток, или сестрой по отцовской линии. (В других волофских государствах по материнской линии ³⁰.) Она имела свой удел и в обязательном порядке получала подарки от чиновников, когда они вступали в должность, причем величина подарков определялась степенью важности полученного поста. В Кайоре, Вало и Баоле титул и удел передавался по материнской линии, а в Джолофе — по отцовской ³¹. *Аво* или *ао* — титул первой жены ³² (или одной из жен) ³³ бурбы, при условии, что она происходила из привилегированной матрилинейной семьи. По значению она следовала за ленгер и была старшей среди всех жен правителя. Аво также имела удел и множество рабов. Как и ленгер, она принимала подарки от наместников, когда они приступали к исполнению обязанностей.

После них в государственной иерархии стояли вассалы знатного происхождения, имевшие свои уделы, пожалованные правителем, во всех частях страны и осуществлявшие местное территориальное управление. Наи-

²⁶ H. Labouret, Указ. раб., стр. 90.

²⁷ P. Péliissier, Указ. раб., стр. 126.

²⁸ H. Labouret, Указ. раб., стр. 87.

²⁹ P. Péliissier, Указ. раб., стр. 126.

³⁰ H. Labouret, Указ. раб., стр. 88.

³¹ K. Dème, Указ. раб., стр. 19.

³² Там же.

³³ H. Labouret, Указ. раб., стр. 88.

более важными были пожалования земли на границах государств, своего рода форпосты, главной функцией которых была защита границ от вторжения извне. Начальники этих территорий с военным управлением имели наибольший вес при дворе правителя.

Каждый из таких начальников держал целый двор, по организации почти такой же, как и двор правителя, но менее пышный. Внутри этих территориальных единиц различные группы населения находились в отношениях строгой иерархии. Территориальные правители имели в распоряжении множество подчиненных им *фарба*, осуществлявших управление несколькими или одной деревней. Основной их обязанностью был сбор податей в пользу территориальных правителей. Последние оставляли себе $\frac{1}{3}$ всего собранного, а $\frac{2}{3}$ отдавали правителю государства — буре³⁴.

При дворе правителя государства находился так называемый «большой» или «главный фарба», которому непосредственно подчинялись все территориальные правители³⁵. Ниже главного фарбы стоял «фарба бир кёр», нечто вроде министра финансов: он собирал подати и управлял всеми собранными платежами как на основных землях правителя, так и внутри всех территориальных управлений³⁶.

Таким образом, фарба являлись непосредственными исполнителями воли правителей и начальников всех степеней на местах. Очень интересно отметить, что все фарба были по происхождению рабами, но принадлежали к ближайшему окружению правителей³⁷. Так, главный фарба и фарба бир кёр занимали в государственной иерархии места непосредственно после ленгер и аво.

Для выполнения своих обязанностей фарба имели в своем подчинении значительное количество рабов и потому являлись важнейшими должностными лицами. Могущество фарба иногда было так велико, что в их руках игрушками становились сами правители: в Кайоре, например, они являлись самой верной и, пожалуй, единственной опорой правителя, которого, кстати, они могли как свергнуть, так и «возвести на престол»³⁸. По существу, фарба особенно в Кайоре, обладали высшей властью. Так, например, договор с правителем Кайора от 28 августа 1883 г. об установлении французского протектората был опротестован шестью «пленниками короны»³⁹, т. е. фарба.

Неудивительно, что правители всех степеней стремились заручиться поддержкой своих фарба, давая им доходные должности, практикуя своеобразные «кормления». Интересно отметить, что точно такой же институт начальников рабов при различных правителях, с теми же точно функциями существовал у малинке и бамбара, и мандингский термин «фарба» вошел в язык волоф⁴⁰.

Таким образом, в силу ряда обстоятельств, фарба стали важнейшей опорой правителей, достигли самого высокого положения, но их социальный статус в глазах основной массы волофов остался все-таки ниже, чем статус свободных людей⁴¹.

Любое лицо, получившее надел от правителя, обязано было совершить определенные действия по отношению к нему: лично явиться к правителю для получения права вступления в должность и распоряжения землей. Визит к правителю совершался обязательно с подарком, размер которого колебался в зависимости от величины пожалованного удела или степени

³⁴ Там же, стр. 89.

³⁵ K. D è t e, Указ. раб., стр. 20.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ V. M o n t e i l, Указ. раб., стр. 86.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Л. Е. К у б б е л ь, Указ. раб., стр. 63—64.

⁴¹ D. G a m b l e, Указ. раб., стр. 45.

важности полученного поста. Если на получение удела или должности претендовали несколько человек, не принадлежащих к правящим или знатым семьям, то часто крестьяне (очевидно, главы больших семей) собирали зерно, скот и т. д. для того, чтобы увеличить размеры подарка того кандидата, которого они предпочитали иметь своим правителем⁴². Размер подносимого тем или другим кандидатом подарка правителю прямо влиял на выбор последнего.

Во время публичной торжественной церемонии, завершавшейся клятвой верности правителю, передача подарка создавала между правителем и вассалом личную связь, которая разрывалась со смертью одной из сторон. После смерти правителя все получившие от него право управления должны были просить его преемника о его возобновлении. Устраивалась новая, подобная прежней церемония, при которой передавался какой-либо предмет, символизирующий пожалование удела. Наследник умершего вассала должен был совершить тот же обряд⁴³.

Колониальное завоевание во второй половине XIX в. еще больше изменило как земельные отношения, так и традиционную социальную структуру. Была введена система прямого управления, при которой из числа угодных французской администрации лиц назначались кантональные и деревенские вожди, являвшиеся фактически платными чиновниками колониальной администрации. В некоторых районах вновь назначенные вожди постепенно стали вытеснять ламанов. Однако там, где ламаны поддерживали колониальную власть, их не смещали, и они сохраняли свои традиционные права, и более того — получали денежное вознаграждение.

В колониальный период всеми способами стимулировалось увеличение производства арахиса на экспорт. Именно с этой целью натуральное обложение было заменено денежным налогом. В условиях низкой производительности сельскохозяйственного труда увеличение производства арахиса могло быть достигнуто лишь путем увеличения занятых под ним площадей за счет сокращения посевов продовольственных культур — основы питания волофов.

Крестьяне оказались вынужденными платить двойной налог — денежный в пользу колониальных властей и традиционный: выделять десятую часть собранного урожая (асака) теоретически в пользу неимущих, а фактически в распоряжение марабута. Собранная десятина находилась в полном распоряжении деревенской верхушки, которая лишь часть ее действительно расходовала на нужды всего коллектива, остальное же оставалось в ее руках, служа обогащению этой верхушки.

Главы общин и до колонизации распоряжались землей, получали обязательное подношение от членов общины. Поэтому трудно согласиться с утверждением, что в канун колонизации деревенские вожди полностью зависели от членов общины, действовали исключительно с согласия совета старейшин и т. д. На деле в то время у волофов реальная власть над землей как средством производства была сосредоточена уже в руках ламана — «владыки земли» и глав больших семей. Колонизация во многом усилила как экономическое, так и социальное неравенство, но не явилась ее истинной причиной. Она лишь ускорила развитие товарно-денежных отношений, обострив и ранее существовавшие внутри волофского общества противоречия.

Развитие товарного хозяйства способствовало ускорению распада больших семей на малые, состоящие из одного — двух поколений. Этот процесс завершался территориальным обособлением малых семей от общей большесемейной усадьбы.

⁴² H. Labouret, Указ. раб., стр. 91.

⁴³ Там же, стр. 91—92.

В большой семье главой являлся самый старый мужчина. Он представлял семью в отношениях с ламаном и деревенским старостой. Только он один распоряжался выделенным семье участком земли, распределяя ее между всеми членами. Глава домохозяйства, *бором кёр*, ведал и другими видами коллективного семейного имущества: усадьбами постройками, собранным урожаем и скотом. До колониального захвата большая семья распоряжалась выделенным ей наделом следующим образом: каждая входившая в ее состав малая семья получала свой участок в зависимости от количества ее членов. Кроме того, глава большой семьи непременно выделял общесемейное поле, на котором все члены большой семьи работали сообща, выращивая продовольственные культуры, урожай которых служил для питания всей большой семьи в течение года и создания запасов на случай неурожая, стихийных бедствий и т. п. С развитием товарного земледелия на общесемейном поле все чаще стали выращивать арахис, а главы семей стремились утвердить за собой право единолично распоряжаться собранным урожаем, по-прежнему, однако, используя всех членов семьи для работы на этом поле. Если раньше большая семья была ассоциацией примерно равноправных производителей, то теперь она все больше превращалась в удобную форму эксплуатации главами семей своих домочадцев, что в конечном счете и вело к ее распаду. Распад этот происходил двумя путями: первый — обособление малых семей сначала в хозяйственном отношении, а потом и в территориальном, и второй — развитие отходничества, в которое вовлекалась главным образом неженатая молодежь.

Социальные, экономические и политические последствия этого процесса в последнее время становятся объектом все более пристального внимания со стороны африканистов.

При обособлении малых семей традиция обязывала главу большой семьи разделить семейную землю между ними в зависимости от их потребностей и хозяйственных возможностей. Глава малой семьи отныне мог распоряжаться выделенной ему землей, но с одним ограничением — никому ее не продавать. Если он умрет, не оставив после себя наследника, его надел вновь отходит к большой семье или делится между всеми выделившимися из нее малыми семьями⁴⁴.

Запрет на продажу земли представляется последним отголоском традиционной собственности коллектива на землю и в то же время последним барьером на пути развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Как только нужда в деньгах превышала силу запрета, землю все же продавали. Раньше всего такая потребность возникала в районах, более всего вовлеченных в товарно-денежное хозяйство: это территория между городами Каолак, Диурбель и Луга. Здесь уже в 30-х годах нашего века учащаются случаи продажи земельных участков.

О распаде большой семьи и положении малых семей любопытные сведения содержатся в работе А. Б. Диопа⁴⁵. В частности, там указывается, что главы малых семей действуют при распределении земли так же, как и глава большой семьи: выделяют своим женам и детям, начиная с 12 лет, по отдельному участку, на котором те работают, используя доходы на личные нужды. Коллективное поле во многих случаях уже отсутствует, но если оно есть, то вся семья кормится снятым с него урожаем, а глава семьи платит из денег, полученных от продажи части этого урожая, общий налог, а женщины тратят доходы со своих наделов по собственному усмотрению. Они могут помогать своему мужу в поддержании общего хозяйства; однако очень часто они продают ему часть урожая со своих участков, получая таким образом дополнительные деньги⁴⁶.

⁴⁴ P. Péliissier, Указ. раб., стр. 131.

⁴⁵ A.-B. Diop, La culture Wolof: traditions et changements, «Notes africaines», 1969, № 121, Janvier, p. 2—3.

⁴⁶ Там же, стр. 3.

Мальчики также имеют собственные деньги от продажи урожая со своего участка, покупая на них одежду и все что угодно, вплоть до транзисторов, или откладывая их для выкупа будущей невесты. Девочки своего поля не имеют, помогают в работе матерям, за что получают после продажи урожая свою долю денег.

Экономической и социальной дифференциации, появлению безземельных крестьян и массы сезонных отходников способствовали возможность продажи и приобретения земельных участков, возможность выкупа ренты, система имматрикуляции, не получившая, впрочем, большого распространения⁴⁷. Следует подчеркнуть, что отходничество очень сильно содействовало разложению общины. Более зажиточные хозяева широко пользуются сезонным притоком рабочей силы из Мали и Гвинеи на период сева арахиса. Количество приходящих сезонников — *наветанов* колебалось в отдельные годы от 20 до 70 тыс. чел., в основном это были молодые люди в возрасте 15—25 лет⁴⁸. Практика наветаната дает обширную гамму отношений феодального, а отчасти и капиталистического типа⁴⁹. В период уборки арахиса совершались и миграции внутри Сенегала: из районов Верхнего Казаманса поток сезонных работников — *фирду* направлялся в основном в волофские районы.

Завоевание независимости в 1960 г. ознаменовалось попыткой реорганизовать землепользование, чтобы повысить эффективность сельскохозяйственного производства, воспрепятствовать разорению мелких производителей и обогащению земельных собственников.

К 1964 г. в стране была разработана программа аграрной реформы, суть которой состоит в следующем: по закону № 64—46 от 17 июня 1964 г. государство провозглашалось единственным и верховным собственником почти всех земель (98—99%), объявленных национальным достоянием. На этих землях государство брало на себя решение всех вопросов, связанных с землепользованием, отменив все права прежних ламанов. Земля остается в постоянном владении тех, кто ее обрабатывает. Впоследствии предполагается передать функции государства по вопросам, связанным с землепользованием, сельским советам, в которые войдут выбранные представители местных жителей и на первых порах государственные чиновники для оказания помощи. Глава сельского совета должен распределять землю между крестьянами и следить за ее использованием⁵⁰.

Однако в законе есть противоречащие друг другу положения, обнаруживающие нерешительность сенегальского правительства в проведении аграрных преобразований. Во-первых, сохраняется, хотя и в незначительном размере (1—2% всех земель), частная земельная собственность (по матрикулам, полученным в колониальное время). Во-вторых, отвергается национализация даже крупной земельной собственности и поощряется рост частного предпринимательства. Курс взят на создание местной сельской «элиты», которая, по мысли авторов реформы, должна способствовать развитию сельского хозяйства в стране.

В настоящее время сельские советы созданы не везде. Прежние владельцы земли, особенно марабуты, во многих районах продолжают распоряжаться землей и до сих пор продолжают считаться большинством крестьян верховными собственниками земли. Почти повсеместно, вопреки закону, сохраняются традиционные подношения, и везде, как и рань-

⁴⁷ «Народы Африки» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1954, стр. 309; «Аграрный вопрос и крестьянство в Тропической Африке», М., 1964, стр. 168. M. Campristron, Указ. раб., стр. 137.

⁴⁸ H. Collomb et H. Ayats. Les migrations au Sénégal. Études psychopathologiques, «Cahiers d'études africaines», Paris, 1962, vol. II, № 8, p. 578.

⁴⁹ H. Labouret, Указ. раб., стр. 75—76; V.-Ch. Diarassouba, Указ. раб., стр. 132; Р. Барбе, Общественные классы в Черной Африке, М., 1966; стр. 64.

⁵⁰ A.-B. Diop, La tenure foncière en milieu rural wolof, p. 50—51.

ше, в пользу марабутов каждый мусульманин выделяет десятую долю своего урожая — асаку⁵¹.

Закон признает *status quo*, закрепляя, таким образом, неравное распределение земель между производителями и их экономическое неравенство, которое с течением времени в таких условиях может лишь усилиться, так как собственники больших участков имеют большие, чем остальные крестьяне, доходы и им легче приобрести современную сельскохозяйственную технику. У таких хозяев появляется возможность увеличивать площадь обрабатываемой земли, получать еще более высокие доходы.

Изучение поземельных отношений у волофов делает более ясными и социальные отношения. Оно показывает, что уже несколько столетий назад у волофов существовало имущественное и общественное неравенство, что у них постепенно шел процесс классовообразования, который в условиях колонизации и быстрого развития товарного хозяйства лишь значительно ускорился.

Поэтому неверны утверждения о «некоем коммунизме», якобы представлявшем собой основу африканских обществ, в том числе и волофского, о их гармоническом устройстве, сделавшем африканца, по выражению Ш.-А. Дюпа, натурой «мягкой, щедрой, настроенной идеалистически, миролюбивой, проникнутой духом справедливости и радости жизни»⁵².

THE MAIN STAGES OF DEVELOPMENT IN LAND-TENURE RELATIONS AND THEIR INFLUENCE ON THE SOCIAL ORGANIZATION OF THE SENEGAL WOLOFS

The author examines the changes in land-tenure relations among the Wolofs of Senegal beginning with the XIVth century and up to the agrarian laws passed by the government of independent Senegal in 1964.

The various forms of land ownership and land holding that had existed in Wolof states (Djolo, Cayor, Walo, Baol) in different periods of their history are analyzed as well as the interrelation between land-tenure relations and social organization and the influence of the former upon the latter. The article also deals with changes in intra-communal relations, the interrelation between the state and the community, the evolution and disintegration of the extended family.

Certain measures taken by the Senegal government in 1964 in the field of land-tenure relations are specifically examined.

⁵¹ J. Roch et G. Rocheteau. *Economie et population: le cas du Sénégal*, «Cahiers ORSTOM», 1971, vol. VIII, № 1, p. 70.

⁵² Ch.-A. Diop, *Antériorité des civilisations nègres: mythe ou la vérité historique?* Paris, 1967, p. 31.